

Предисловие

Записки Эвис Эвергард нельзя считать надежным историческим документом. Историк обнаружит в них много ошибок, если не в передаче фактов, то в их истолковании. Прошло семьсот лет, и события того времени и их взаимосвязь — все то, в чем автору этих мемуаров было еще трудно разобраться, — для нас уже не представляет загадки. У Эвис Эвергард не было необходимой исторической перспективы. То, о чем она писала, слишком близко ее касалось. Мало того, она находилась в самой гуще описываемых событий.

И все же как человеческий документ «Эвергардовский манускрипт» исполнен для нас огромного интереса, хотя и здесь дело не обходится без односторонних суждений и оценок, рожденных пристрастием любви. Мы с улыбкой проходим мимо этих заблуждений и прощаем Эвис Эвергард ту восторженность, с какой она говорит о муже. Нам теперь известно, что он не был такой исполинской фигурой и не играл в событиях того времени столь исключительной роли, как утверждает автор мемуаров.

Эрнест Эвергард был человек выдающийся, но все же не в той мере, как считала его жена. Он при-

4 надлежал к многочисленной армии героев, самоотверженно служивших делу мировой революции. Правда, у Эвергарда были свои особые заслуги в разработке философии рабочего класса и ее пропаганды. Он называл ее «пролетарская наука», «пролетарская философия», проявляя известную узость взглядов, которой в то время невозможно было избежать.

Но вернемся к мемуарам. Величайшее их достоинство в том, что они воскрешают для нас атмосферу той страшной эпохи. Нигде мы не найдем такого яркого изображения психологии людей, живших в бурное двадцатилетие с 1912—1932 год, их ограниченности и слепоты, их страхов и сомнений, их моральных заблуждений, их неистовых страстей и нечистых помыслов, их чудовищного эгоизма. Нам, в наш разумный век, трудно это понять. История утверждает, что так было, а биология и психология объясняют нам, почему. Но ни история, ни биология, ни психология не в силах воскресить для нас этот мир. Мы допускаем его существование в прошлом, но он остается нам чужд, мы не понимаем его.

Понимание это возникает у нас при чтении «Эвергардовского манускрипта». Мы как бы сливаемся с действующими лицами этой отзвучавшей мировой драмы, живем их мыслями и чувствами. И нам не только понятна любовь Эвис Эвергард к ее героическому спутнику — мы ощущаем вместе с самим Эвергардом угрозу олигархии, страшной тенью нависшей над миром. Мы видим, как власть Железной пяты (не правда ли, удачное название!) надвигается на человечество, грозя его раздавить.

Кстати, мы узнаем, что создателем утвердившегося в литературе термина «Железная пята» явился в свое время Эрнест Эвергард, — небезынтересное открытие, проливающее свет на вопрос, который долго оставался спорным. Считалось, что название «Железная пята» впервые встречается у малоизвестного журналиста Джорджа Милфорда в памфлете «Вы — рабы!», опубликованном в декабре 1912 года. Никаких других сведений о Джордже Милфорде до нас не дошло, и только в «Эвергардовском манускрипте» бегло упоминается, что он погиб во время чикагской резни. По всей вероятности, Милфорд слышал это выражение из уст Эрнеста Эвергарда — скорее всего, во время одного из выступлений последнего в предвыборную кампанию осенью 1912 года. Сам же Эвергард, как сообщает нам манускрипт, впервые употребил его на обеде у одного частного лица еще весной 1912 года. Эта дата и должна быть признана исходной.

Для историка и философа победа олигархии навсегда останется неразрешимой загадкой. Чередование исторических эпох обусловлено законами социальной эволюции. Эти эпохи были исторически неизбежны. Их приход мог быть предсказан с такой же уверенностью, с какой астроном исчисляет движение звезд. Это правомерные этапы эволюции. Первобытный коммунизм, рабовладельческое общество, крепостное право и наемный труд были необходимыми ступенями общественного развития. Но смешно было бы утверждать, что такой же необходимой ступенью явилось господство Железной пяты. Мы в настоящее время склонны считать этот

6 период случайным отклонением или отступлением к жестоким временам тиранического социального самовластия, которое на заре истории было так же закономерно, как неправоммерно стало впоследствии торжество Железной пяты.

Недобрую память оставил по себе феодализм, но и эта система была исторически необходима. После крушения такого мощного централизованного государства, как Римская империя, наступление эпохи феодализма было неизбежно. Но этого нельзя сказать о Железной пяте. В закономерном течении социальной эволюции ей нет места. Ее приход к власти не был исторически оправдан и необходим. Он навсегда останется в истории чудовищной аномалией, историческим курьезом, случайностью, наваждением, чем-то неожиданным и немыслимым. Пусть же это послужит предостережением для тех опрометчивых политиков, которые так уверенно рассуждают о социальных процессах.

Капитализм почитался социологами тех времен кульминационной точкой буржуазного государства, созревшим плодом буржуазной революции, и мы в наше время можем только присоединиться к этому определению. Следом за капитализмом должен был прийти социализм — это утверждали даже такие выдающиеся представители враждебного лагеря, как Герберт Спенсер. Ожидали, что на развалинах своекорыстного капитализма вырастет цветок, взлеянный столетиями, — братство людей. А вместо этого, к нашему удивлению и ужасу, а тем более к удивлению и ужасу современников этих событий,

капитализм, созревший для распада, дал еще 7
один чудовищный побег — олигархию.

Социалисты начала двадцатого века слишком поздно обнаружили приход олигархии. Когда же они спохватились, олигархия была уже налицо — как факт, запечатленный кровью, как жестокая, кошмарная действительность. Но в то время, по свидетельству «Эвергардовского манускрипта», никто не верил в долговечность Железной пяты. Революционеры считали, что низвергнуть ее — дело нескольких лет. Они понимали, что крестьянское восстание возникло наперекор их планам, а первое вспыхнуло преждевременно, но никто не ожидал, что и второе восстание, хорошо подготовленное и вполне созревшее, обречено на такую же неудачу и еще более жестокий разгром.

Очевидно, Эвис Эвергард писала свои записки в дни, предшествовавшие второму восстанию: в них ни слова нет о его злополучном исходе. Несомненно также: она надеялась опубликовать их сразу же после свержения Железной пяты, чтобы воздать должное памяти погибшего мужа. Но тут наступила катастрофа, и, готовясь бежать или в предвидении ареста, она спрятала записки в дупле старого дуба в Уэйк-Робинлодже.

Дальнейшая судьба Эвис Эвергард неизвестна. По всей вероятности, ее казнили наемники, а во времена Железной пяты никто не вел учета жертвам многочисленных казней. Одно можно сказать с уверенностью: пряча рукопись в тайник и готовясь к бегству, Эвис Эвергард не подозревала, какой страшный разгром потерпело второе восстание. Она

8 не могла предвидеть, что извилистый и трудный путь общественного развития потребует в ближайшие триста лет еще и третьего, и четвертого восстаний и много других революций, потопленных в море крови, — пока рабочее движение не одержит наконец победы во всем мире. Ей и в голову не приходило, что ее записки, дань любви к Эрнесту Эвергарду, семь долгих столетий пролежат в дупле векового дуба в Уэйк-Робинлодже, не потревоженные ничьей рукой.

*Антони Мередит**

Ардис, 27 ноября 419 года эры Братства людей

* Антони Мередит — по замыслу Лондона, человек XXVII в., первый издатель и комментатор записок Эвис Эвергард. Примечания к тексту романа идут от его имени, кроме специально оговоренных случаев. — *Примеч. ред.*

Земной Театр! Нам стыд и горе —
Картин знакомых карусель...
Но потерпи, узнаешь вскоре
Безумной драмы смысл и цель!

Глава I

МОЙ ОРЕЛ

Легкий летний ветерок шелестит в могучих секвойях, шаловливая Дикарка неумолчно журчит между мшистыми камнями. В ярких лучах солнца мелькают бабочки; воздух напоен дремотным гудением пчел. Тишина и спокойствие вокруг, и только меня гнетут думы, гложет тревога. Безмятежная тишина надрывает мне душу. Как она обманчива! Все притаилось и молчит, но это затишье перед грозой. Я напрягаю слух и всем существом ловлю ее приближение. Только б она не разразилась слишком рано. Горе, горе, если она разразится слишком рано!*

У меня немало причин для тревоги. Мысли, неотвязные мысли не покидают меня. Я так долго жила кипучей, деятельной жизнью, что тишина и покой кажутся мне тяжким сном, и я не могу забыть о том

* Второе восстание было в значительной степени делом рук Эрнеста Эвергарда, хотя он, конечно, готовил его в тесном контакте с европейскими лидерами. Сам Эвергард был схвачен и тайно казнен весной 1932 г. христианской эры, однако восстание было так тщательно подготовлено, что товарищам удалось полностью осуществить его планы, избежав растерянности и промедления. Эвис Эвергард после казни мужа уединилась в Уэйк-Робинлodge, небольшой усадьбе в Калифорнии, в Сономских горах.

12 яростном шквале смерти и разрушения, который вот-вот пролетит над миром. В моих ушах звенят вопли поверженных, а перед глазами все те же призраки прошлого*. Я вижу поруганную, истерзанную человеческую плоть, вижу, как насилие исторгает душу из прекрасного гордого тела, чтобы в злобном неистовстве швырнуть ее к престолу творца. Так мы, люди, через кровь и разрушение идем к своей цели, стремясь навсегда установить мир и радость на земле.

И одиночество... Когда я не думаю о том, что будет, мысли мои обращаются к тому, что было и не возвратится вновь, — к тебе, мой орел, парящий на мощных крыльях, устремленный ввысь, к солнцу, ибо солнцем был для тебя светлый идеал свободы. Я не в силах сидеть и ждать сложа руки прихода великих событий, которые вызваны к жизни моим мужем, хоть ему и не суждено было увидеть их рождение. Он отдал нашему делу свои лучшие годы и умер за него. Это плоды его трудов, его создание**.

Итак, эти томительные дни я хочу посвятить воспоминаниям о моем муже. Есть многое, о чем из всех живущих могу рассказать лишь я одна, а ведь о таком человеке, как Эрнест, сколько ни рассказы-

* Здесь, очевидно, имеется в виду усмирение Чикагского восстания.

** При всем уважении к Эвис Эвергард мы должны отметить, что муж ее был только одним из многих талантливых руководителей, подготовивших второе восстание. Теперь, спустя много столетий, можно сказать с уверенностью, что если бы Эвергард остался жив, это бы несколько не изменило трагической развязки.

вай, все мало. В Эрнесте жила великая душа, 13
и когда в моей любви умолкает все личное,
я больше всего скорблю при мысли, что его не бу-
дет здесь завтра, чтобы встретить зарю нового дня.
В том, что мы победим, не может быть сомнений.
Он строил так прочно, так надежно, что здание
устоит. Смерть Железной пяте! Близок день, когда
поверженный человек поднимет голову. Как только
эта весть разнесется по всему миру, повсюду восста-
нут армии труда. Свершится то, чего еще не знала
история. Солидарность рабочих обеспечена, а это
значит, что международная революция впервые раз-
вернется во всю свою необъятную ширь*.

Как видите, я вся во власти надвигающихся со-
бытий. Я жила этим день и ночь так долго, что ни
о чем другом не в силах думать. А тем более, говоря
о моем муже, могу ли я не говорить о его деле! Он
был душой этого великого начинания, и для меня
они нераздельны.

Как я уже сказала, есть многое, что только я одна
могу рассказать об Эрнесте. Все знают, что он, не
щадя себя, работал для революции и немало пере-
нес. Но как он работал и сколько перенес, знаю я

* Второе восстание действительно приобрело междуна-
родный характер. Это был поистине грандиозный замысел,
и уже потому трудно считать его созданием одного челове-
ка. Организованные рабочие всех олигархий готовы были
подняться по первому сигналу. Германия, Италия, Фран-
ция и вся Австралазия — в то время государства рабочих
с социалистическими правительствами — обещали рево-
люции свою помощь, и они действительно оказали ее, поэ-
тому разгром второго восстания стал также и их разгромом.
Их правительства были низложены, и объединившиеся
олигархии навязали им олигархический строй.

14 одна. Двадцать грозных лет мы были с ним неразлучны, и мне больше, чем кому-либо, известно его терпение, его неистощимая энергия и безграничная преданность делу революции, за которое он два месяца назад сложил голову.

Постараюсь просто и по порядку рассказать, как Эрнест вошел в мою жизнь, — о нашей первой встрече, о том, как он постепенно овладел моей душой и перевернул весь мой мир. И тогда вы увидите его моими глазами, узнаете таким, каким знала я, — кроме самого заветного и дорогого, что слова бессильны передать.

Мы познакомились в феврале 1912 года, когда Эвергард по приглашению моего отца* явился к нам, в наш особняк в городе Беркли, на званый обед. Не могу сказать, чтоб он понравился мне с первого взгляда, — скорее наоборот. В гостинной, где собралось все общество, Эрнест производил странное, чтобы не сказать «дикое», впечатление. Среди почтенных служителей церкви на этом обеде, который отец шутя назвал «синедрионом», Эвергард казался человеком с другой планеты.

* Джон Каннингхем, отец Эвис Эвергард, был профессором Калифорнийского университета в городе Беркли. С преподаванием физики он совмещал исследовательскую работу, которая принесла ему широкую известность. Выдающимся вкладом в науку явились его изыскания в области природы электрона, а также капитальный труд «Тождество материи и энергии», где было незыблемо и на все времена установлено, что элементарная единица материи и элементарная единица энергии тождественны. Положение это до профессора Каннингхема выдвигалось сэром Оливером Лоджем и другими исследователями радиоактивности, но лишь на правах гипотезы.

Прежде всего одет он был ужасно. Ко- 15
стюм из дешевого темного сукна, купленный
в магазине готового платья, сидел на нем убийствен-
но. Да Эрнесту, при его сложении, и нельзя было
покупать ничего готового. Его богатырские мускулы
выпирали из-под жиденького сукна, на атлетиче-
ских плечах набегали складки. Глядя на его шею,
массивную и мускулистую, как у профессиональ-
ного боксера*, я невольно подумала: так вот оно,
последнее увлечение папы — философ-социолог,
в недавнем прошлом кузнечный подмастерье. Он
и сейчас напоминает кузнеца — достаточно взгля-
нуть на эти мускулы и бычий загривок; должно
быть, из этих самородков, «Слепой Том»** рабочего
класса.

А его рукопожатие! Оно было крепким и власт-
ным, и взгляд его черных глаз слишком пытливо,
как мне показалось, задержался на моем лице. Так
рассуждала я, дитя своей среды, девушка с классовы-
ми предрассудками. Человеку моего круга я не
простила бы такой смелости. Помню, я невольно
опустила глаза и с чувством облегчения поспешила
навстречу епископу Морхаузу, нашему старому
другу, — это был обаятельный человек средних лет,
лицом и кротким нравом напоминавший Христа,
к тому же очень начитанный и образованный.

* В те времена на спорт смотрели как на средство нажи-
вы. Противники избивали друг друга в кулачных поедин-
ках, и боксер, убивший товарища или исколотивший его до
полусмерти, получал за это кучу денег.

** Намек неясен. Возможно, имеется в виду слепой от
рождения негр-музыкант, концерты которого во второй
половине XIX в. хр. эры пользовались огромным успехом.